

«Приключенческий
триллер, от которого
невозможно оторваться»

— ЛитРес

НАУЧНАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ
ДРЕВНИЙ МИР
ВЫЖИВАНИЕ
ТАЙНА

ЧЕЛОВЕК

— ХРОНИКИ АРТЕФАКТА —

ОТКРЫТЬ ПРОШЛОЕ — ЛЕГКО.
ВЕРНУТЬСЯ ОБРАТНО — НЕВОЗМОЖНО.

Avraam Adamov

Человек

<https://litres.ru/74352418>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он привык жить в мире, где всё можно объяснить: породы, окаменелости, возраст Земли, пыльца древних растений. Он — палеонтолог, и прошлое для него — это не страх, а наука.

Но есть вещи, которые старше науки.

Когда в его руки попадает предмет из глубоких пород, всё меняется. Он не похож ни на камень, ни на металл. Он не поддаётся времени. И, кажется, он кого-то ждёт.

С этого момента он перестаёт быть просто учёным. Он становится человеком, который стоит на краю того, что нельзя понять. Ему предстоит выбор: отступить и жить, как раньше, — или шагнуть туда, где законы его мира больше не работают.

Это роман о том, как далеко может завести любопытство, когда у него нет границ. И о том, что прошлое не всегда хочет, чтобы его находили.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Avraam Adamov

Человек

Пролог

Он спасался бегством, продираясь сквозь непроходимые дебри папоротников, отбиваясь от них, обдирая руки. Чувствовал: надвигается двуногая грозная туча. Грохот - будто раскат грома расколол небо. Он бежал, не ощущая земли под ногами, колени были разбиты, казалось - как он может стоять на них? Но он мчался сквозь лиственный туман, не ведая, куда.

Вырвавшись из мглы растений, он столкнулся с каменной стеной - приговор.

Нет... - Его взгляд остекленел, а нутро заполнила пустота. Спазмы сжали гортань, но он едва ли это почувствовал.

Ощущение, будто бахнули железным молотом и закрыли огромные ворота. Дверь спасения...

Скала была гладкой, и вскарабкаться по ней было невозможно.

Он лихорадочно метался взглядом по этой каменной глыбе, надеясь отыскать зацепку, надежду на спасение.

Нет! - Он ударил рукой по скале, выплёскивая злость, которая сменилась на бешенство.

Разодранные руки сочились кровью. Грудную клетку будто стягивало тугим обручем. Он согнулся, положив руки на ноги. Кашель раздирал горло, но вместе с ним приходило и дыхание. Внезапно деревья пошатнулись, словно ватные... И резкий рёв обрушился на землю. Он обернулся и увидел, как птеродактили вылетают из леса.

Рептилия разорвёт его на куски. В спешке он начал ощупывать камень и вдруг обнаружил расщелину, но она была завалена камнями.

Его тело было истощено, но он выжимал из себя силы, чтобы извлекать эти камни один за другим.

А-а-а... - выдавил он из себя страх и ужас, ухватившись за камень одной рукой, единственный камень, который мешал ему.

Он тянул со всех сил. Лицо исказилось. Слёзы боли медленно потекли по лицу. Ноги затряслись, осязая, как сзади накатывает огромная волна, вышедшая из берегов.

Ну давай же!!! - Рёв грянул - грохот падающих деревьев у самого затылка.

Он выдирает камень рывками, прилагая нечеловеческие усилия.

А-а-а! - лицо налилось кровью от усилия, а зубы сжались. Ноги подкашивались, с трудом удерживая его.

Вдруг из леса показалась рептилия. Она притаилась и внимательно следила, как бы торжествуя. И тут она делает шаг. Он почувствовал тяжесть - пульс в земной коре, будто яд-

ро земли стало сердцем. Она знала: он в ловушке. Все его усилия были тщетны. Ночной кошмар, которого он так страшился и стремился избежать, стал неизбежностью. Он недоумённо осмотрелся.

Камень, что ли, свалился? - выдохнул он.

Инстинктивно обернувшись, тело пронзило насквозь ледяным разрядом. Он пошатнулся.

Они сверлили друг друга взглядом. Громадный тираннозавр - около шести метров в высоту - изготовился ринуться с места. Рептилия выпрямилась и оглушительно заревела, вскинув голову в небо.

В это мгновение человек устремился к скальному утёсу, вонзился в камень и одним рывком выдрал глыбу. Она разлетелась по земле. Он проскользнул в теснину, но нога застряла. Резкая боль. Он пытался выдернуть ногу, а рептилия уже рядом.

Давай! Давай! - он буквально вырывал её, как сорняк, игнорируя боль.

Земля затряслась, а каменный свод треснул.

О Боже! Нет! - его крик раздался эхом, смешанный с рёвом хладнокровной твари.

Глава 1

— Итак, молодые люди! Меня зовут Марко, моя фамилия Ринальди!

Лектор поприветствовал аудиторию. Он был невысок и невзрачен с первого взгляда, но в нём чувствовалась какая-то своя, едва уловимая изюминка.

— С сего момента вы приступите к постижению наиболее захватывающего и поразительного предмета! — объявил он горделиво. — Общая палеонтология!

Он расстегнул верхнюю пуговицу на светлой рубашке с длинным рукавом.

— А теперь я задам вам...

Он приостановился и стал не спеша постукивать ногой. Зал невольно уронил взгляд — замшевые ботинки чёрного цвета. Они представлялись благороднее гладкой кожи, однако не столь официозными, как лакированные туфли. Он мельком взглянул на часы — подарок отца на выпускной.

— Слушай, Алессандро, как думаешь, сколько ему? — украдкой шепнул один студент своему товарищу.

— Не знаю, выглядит лет на двадцать девять, а может, тридцать, — отозвался Алессандро.

— Помнишь, второго июня, после парада, мы решили зайти к тебе? Твой отец ведь военный? Кажется, я у него видел

такой же ремень, как у Марко Ринальди, — продолжил первый.

Алессандро пристально всмотрелся в преподавателя.

— Слушай, а он неплох... У него хороший кожаный ремень. Мой отец бы оценил, — спокойно ответил Алессандро.

— Да, но твой отец явно бы не оценил его тёмные чиносы!

Оба резко захихикали.

— Так-так! Что за шум? — оборвал Марко. — Ребята! Общая палеонтология — это увлекательный мир, в который вам предстоит погрузиться в ближайшее время! Вы поймёте, из чего состоят динозавры, в буквальном смысле этого слова. — Он улыбнулся и немного помолчал.

Студенты заулыбались.

— Как они превращаются в каменных мумий!

Небольшой хохот.

— Разные эры, эволюция и изменение жизни!

— Он симпатичный. — невозмутимо сказала Паола.

— Да, это верно. Так всё же ты рада, что мы поступили в этот университет?

Паола флегматично обозрела кабинет.

— В принципе. Не очень.

— А что означает изменение жизни? — Ему не терпелось самому ответить на вопрос.

Неожиданно парень на первом ряду поднял руку.

— Прошу! Как вас зовут?

— Стефано, — запнувшись, он поправил очки. — Изме-

нение жизни — это несколько ключевых процессов, профессор. — Он ждал сигнала-одобрения.

— Так, и что это за процессы? — Зубы Марко блеснули, на лице заиграла улыбка.

«Неужели есть с кем поговорить об этом», — отметил он про себя.

— Необратимость эволюции, профессор.

Стефано выдохнул, явно довольный собой.

— Выскачка. — Паола медленно, с брезгливым спокойствием отвела от него взгляд.

Антонио и Алессандро внимали тому, что излагал Стефано. На их лицах отразился дух соперничества.

— Алессандро, ты же знаешь ответ! — тихо подметил Антонио.

— Знаю, но и этот тип не из робкого десятка. Пусть ответит, потом я его уделаю!

— Хи-хи-хи! — Антонио подавил смех, но всё равно выдавил несколько звуков.

— Расскажи нам подробнее, Стефано! Мне не терпится узнать, что означает эволюция, — сказал Марко Ринальди.

— Эволюция — это процесс перехода из одной эпохи в другую...? — боязливо вымолвил Стефано.

В один момент над головами взметнулась рука.

— Кто это там? — полюбопытствовал профессор.

— Меня зовут Алессандро!

Аудитория оживилась.

— Алессандро, похоже, из ста душ, собравшихся сегодня на моей лекции, тут нашлись всего два храбреца! — Марко Ринальди это нравилось.

«В минувшем году студенты были не слишком осведомлены, в этом, я вижу, ребята готовятся усердно».

— Прошу вас, поведайте нам, — сказал Марко.

— Эволюция — это история того, как из одних существ получались другие! А те, кто не смог приспособиться, — исчезли! — он кульминационно провозгласил.

Публика всколыхнулась. Марко выдержал паузу и наблюдал, вслушиваясь в их речи.

— Он неправильно ответил... — пробежал ропот.

— Это правильный ответ? — поинтересовался кто-то.

Некто открыл учебник и с живостью взялся за чтение. Марко обводил аудиторию одобрительным взглядом и тешился их интересом.

— Что ж, вы правильно ответили! — сказал профессор. Его вердикт звучал как приговор.

Алессандро засиял.

— Молодец! — подметил Антонио.

— Впрочем, это лишь вершина айсберга! — сказал лектор. — Общая палеонтология — это не только наука! Это целый мир со своими приколами.

Студенты перемигивались и посмеивались.

Между слушателями разливалось товарищеское настроение, первокурсники пребывали на занятии впервые. А вос-

принималось оно иначе — Марко Ринальди обладал даром придавать обстановке особенную температуру. Там постоянные делались родными. Он вещал им о палеонтологии, а они, в свою очередь, отвечали ему проникновенным признанием.

Ученики один за другим роняли вопросы. Смелчаки делились, тихони питали. Марко Ринальди подтверждал или отрицал. Они спорили, но едва ли это было враждебно. Алессандро отличался от остальных не только ответами: иногда он ошибался, но делал это напористо и уверенно — точно говорил правильно.

Лука шёл по коридору. Глядя в сторону очередного кабинета, его глаза сделались добрыми, и лёгкая улыбка сама растянулась на лице. Он остановился. «Марко проводит лекцию», — он смотрел на дверь мягко, непринуждённо. Сквозь дверь доходил гомон. Его брови непроизвольно поднялись, а глаза чуть расширились. — Что там происходит? — полюбопытствовал он.

Невольно тело на секунду напряглось, и Лука заморгал. Звонок. Он отпрянул и притворился, словно ждал возможности войти. — Здравствуйте, Лука, — поздоровалась Бенедетта.

Он лишь пытался скрыть неловкость ухмылкой и ничего не ответил. Он встретился с ней взглядом, и она всё поняла. — Не прощаюсь, — сказала она нежно. — И я, — теперь его тон был ровным и уверенным.

Двери кабинета распахнулись, и ученики полились потоком — они переговаривались и спешили домой. Пропустив всех, он увидел, как Марко сидит за столом и заполняет журнал.

— Господин учитель, — шутливо обратился Лука.

Ринальди недоумённо повернулся, но, увидев Луку, усмехнулся.

— А вот и ты... Как первый учебный день? — поинтересовался Марко.

— Неплохо. Правда, я не работал до этого в таких больших учреждениях.

Он присел рядом и тихонько наблюдал то в журнал, то в зал, иногда в окно.

— Это нормально, я тоже к этому привыкал, друг мой.

Он говорил словно заученно, стараясь быть сконцентрированным на письме.

— Двойки ставишь? — острил Лука.

— Ага, наоборот.

Он поднял на него взгляд и явно оценил его игривое настроение.

Лука задумчиво изучал кабинет. «Фабричные стены...» — сообразил он. Тёплые воспоминания ожили: отец трудился на фабрике, затемно добирался и рано уходил. Иногда брал сына с собой — там он эти стены и запомнил.

— Марко, а ты давно здесь?

— Почти пять лет, — ответил Марко.

— А университету сколько?

— С девяносто второго года.

— А до этого?

Марко метнул взгляд на него, а Лука всё рассматривал стены. Марко глянул туда же и ответил ему:

— Здесь была фабрика.

— Какая именно? — спросил Лука, не отводя глаз.

— В этом корпусе Alfa Romeo. С тридцать шестого года большущий комплекс был. Сборка, ремонт машин, даже гоночные подготавливали. В девяностых съехали, а в девяносто втором университет и сделали. А почему тебя это так волнует? — поинтересовался Марко.

— Любопытство, видимо, у меня в крови. А так у меня же и отец на фабрике вкалывал, — ответил Лука.

— А ты, значит, решил педагогом стать, — в шутку упрекнул его Марко.

— Предал семейное кредо! — отшучивался Лука.

Марко уже дописал и взялся собираться. Внезапно раздался вызов — он ответил, и его лицо приняло загадочное выражение. Лука, насторожившись, ждал конца разговора.

— Что-то случилось?

— Небольшие непонятки, — сказал Марко, убирая телефон в карман. — Слушай, а ты спешишь? — продолжил он.

— Не-а, — ответил Лука.

— Мне надо заскочить кое-куда. Я бы тебе заодно мини-экскурсию провёл.

— Пошли!

Они вышли в коридор.

— Я покажу тебе интересные места, музеи, библиотеки, наши лаборатории, — просветил Марко, запирая дверь на ключ.

— Вперёд, — добавил Лука.

Они сходили по лестнице. С Марко здоровались учащиеся и учителя. По лестнице поднималась Бенедетта.

— Здравствуйте, Марко, и вам привет, Лука, — поприветствовала она.

— Моё почтение, Бенедетта. Вы уже уходите? — спросил Лука.

— У меня есть ещё одно незаконченное дело. Я буду на крыльце через час.

— Что ж, время без пяти четыре. В тридцать пять минут я буду ждать.

Они перемигнулись и разошлись.

— Ухаживаешь? — поинтересовался Марко.

— Не то чтобы, но так уж получилось, что это она помогла мне устроиться.

— Рад вас видеть, Лука. Я вас искал. — Поднимался директор.

— Добрый день, профессор. Да, я помню о вашей просьбе. Я дописываю списки, в четверг донесу всё необходимое.

— Что ж... — Он недовольно переметнул взгляд на Марко. — Ну а вы, мистер Ринальди?

— Мистер Сальвиати! Какое счастье вас встретить! — начал играть Марко.

Лука заулыбался и неловко спрятал улыбку.

— Ну-ну! Хватит с меня ваших шуточек! — грубо оборвал его директор. — Я вас предупреждал, чтобы вы были со студентами поостроже?! — спросил он тяжёлым тоном.

«Что ни день, то театр», — усмехнулся про себя Марко.

На лестнице уже столпился народ и наблюдал за происходящим.

— Впредь я буду осторожен, капитан! — сказал Марко, точно разыгрывая из себя моряка.

Люди захихикали.

— Не водитесь с ним, мистер Мюллер, он и вас испортит, — сказал директор, пройдя сквозь них, как будто и не встречал.

Марко схватил товарища за руку и повёл за собой.

— Нужно спешить, меня же ждут, я совсем забыл.

Они просочились сквозь толпу и вышли в вестибюль. Здесь было просторно, и шаги отдавались гулким эхом под высоким потолком. Солнце пробивалось сквозь большие окна и ложилось на пол широкими золотыми полосами. У доски с расписанием толпились студенты, кто-то смеялся, кто-то хлопал товарища по плечу. Две девушки с папками прошли мимо, и одна из них, заметив Марко, улыбнулась и помахала рукой.

— Добрый день, профессор!

— Добрый, — Марко кивнул с лёгкой улыбкой.

Они толкнули тяжёлую дверь и вышли во двор. Свежий воздух сразу ударил в лицо, пахло травой и нагретой за день плиткой. Двор был полон жизни. На скамейках под старым дубом сидели студенты — кто-то читал, кто-то просто болтал, а двое парней играли в мяч у стены. Мяч стучал ритмично, и кто-то крикнул: «Пас!». Ещё одна компания сидела прямо на траве, расстелив куртки, и громко смеялась над чем-то.

— Красиво тут, — сказал Лука, оглядываясь. Он заметил, как солнечный свет запутался в плюще, который вился по стенам старого корпуса.

— Ага, — Марко тоже посмотрел на плющ. — Особенно когда никто не орёт.

Они пошли по дорожке. Навстречу попала группа студентов, и один из них, высокий парень в очках, остановился:

— Профессор, а правда, что вы в следующем семестре будете вести ещё и практикум?

— Правда, — ответил Марко. — Готовьтесь.

— Уже боимся! — крикнул кто-то из компании, и все рассмеялись.

Марко покачал головой, но было видно, что ему это нравится. Лука тоже не сдержал улыбку. Впереди показался вход в соседний корпус. Стеклянные двери блестели на солнце. Марко придержал дверь, пропуская Луку вперёд.

Они вошли в соседний корпус. Здесь было тише, чем в

главном здании. Воздух пах чем-то химическим — то ли реактивами, то ли дезинфекцией. Пол был выложен серой плиткой, а стены — выкрашены в бледно-зелёный. Где-то в глубине коридора гудела вентиляция.

— Так куда мы идём? — спросил Лука, оглядываясь по сторонам.

— В лабораторный блок, — ответил Марко, и его голос изменился: стал живее, в нём появился тот самый азарт, с которым он читал лекции. — Я же обещал тебе экскурсию. Вот, получай.

Они свернули в длинный коридор. По обе стороны тянулись двери с табличками. Лука читал на ходу: «Лаборатория микроскопии», «Кабинет геохронологии», «Препараторская». Из одной двери вышел парень в белом халате, кивнул Марко и исчез за поворотом.

— Смотри, — Марко остановился у одной из дверей и толкнул её. — Это наша гордость. Лаборатория седиментологии.

Они вошли. В комнате было прохладно и светло. Вдоль стен стояли стеллажи с образцами пород, на столах — микроскопы, колбы, какие-то приборы. В центре возвышался большой аппарат, похожий на смесь центрифуги и промышленного миксера.

— Вот этот агрегат, — Марко похлопал ладонью по корпусу, — позволяет нам моделировать процессы осадконакопления. Мы загружаем в него разные типы частиц — песок,

глину, органику, — задаём параметры течения воды, и посмотрим, как они оседают. Так мы можем восстановить, как формировались древние породы.

Лука подошёл ближе, разглядывая прибор. Тот был покрыт мелкими царапинами и следами от реактивов — видно было, что он не простаивает.

— И что, реально можно понять, как выглядела Земля миллионы лет назад? — спросил он.

— Именно этим мы и занимаемся, — Марко улыбнулся, и в этот момент он совсем не был похож на того серьёзного профессора, который только что шёл по коридору. — Мы, палеонтологи, вообще-то не просто копаем кости динозавров. Мы восстанавливаем целые миры. И вот эта штука, — он снова хлопнул по аппарату, — один из ключей.

Лука обвёл взглядом лабораторию. На одном из столов лежал раскрытый блокнот, исписанный формулами. Рядом стояла кружка с остывшим чаем. Чувствовалось, что здесь работают. Живо. Настояще.

— Ладно, — сказал Марко, — это только начало. Пойдём дальше. Покажу тебе, где мы смотрим на пыльцу древних растений. Вот там уже настоящая магия.

Они прошли дальше по коридору, и Марко толкнул последнюю дверь.

— А вот здесь, — сказал он, и в его голосе появилась та особая интонация, с которой говорят о чём-то по-настоящему важном, — святая святых. Лаборатория палеоботаники.

Лука вошёл и замер на пороге. Комната была гораздо больше предыдущей. Под потолком гудели лампы дневного света, заливая всё ровным, почти операционным сиянием. Вдоль стен тянулись стеллажи с бесчисленными ящичками, каждый из которых был подписан аккуратным, убористым почерком. В центре, на массивном лабораторном столе, выстроились в ряд микроскопы — не простые, а бинокулярные, с подсветкой и какими-то дополнительными линзами. Рядом лежали тонкие, как папиросная бумага, стёкла с образцами, пинцеты, пипетки и раскрытые журналы наблюдений, исписанные цифрами и латинскими названиями.

Воздух здесь был сухим и прохладным, пахло спиртом и чем-то неуловимо древним — как от старых книг или гербария.

— Присаживайся, — Марко указал на высокий табурет у одного из микроскопов, а сам взял с полки небольшой ящичек. — Смотри, это наш «архив». Здесь образцы пылицы и спор, которые мы извлекли из кернов. Этим образцам, на минуточку, около ста миллионов лет.

Он открыл ящик и бережно, как драгоценность, достал предметное стекло. Под прозрачной плёнкой, залитая специальным раствором, виднелась едва заметная глазу пыль.

— Клади под микроскоп, — сказал Марко. — Сейчас сам всё увидишь.

Лука аккуратно взял стекло, стараясь не дышать, и поместил его на предметный столик. Покрутил колёсико настрой-

ки, ловя фокус, и вдруг замер.

В окуляре открылся целый мир. Крошечные, идеально сохранившиеся зёрна пыльцы, похожие на инопланетные скульптуры: одни — круглые, с замысловатой сетчатой поверхностью, другие — вытянутые, с продольными бороздками, третьи — с шипами, напоминающими миниатюрные морские мины. Они светились золотистым на тёмном фоне, и от этого зрелища захватывало дух.

— Ничего себе... — выдохнул Лука, не отрываясь от окуляра. — Это что, правда всё настоящее?

— Абсолютно, — ответил Марко. Он стоял рядом, скрестив руки на груди, и с явным удовольствием наблюдал за реакцией друга. — Это пыльца древних хвойных, которые росли здесь ещё в меловом периоде. Видишь вон те, с шипами? Это, скорее всего, предки современных сосен. А эти, гладкие — что-то из кипарисовых. Мы их находим в отложениях, датировем и таким образом можем сказать, какой именно лес здесь стоял сто миллионов лет назад. Представляешь?

Лука представлял. Он видел не просто пыльцу. Он видел, как над этой землёй, ещё до людей, до динозавров, шумели ветрами бескрайние леса, а ветер носил эти самые зёрна, и они оседали в болотах, чтобы через миллионы лет оказаться здесь, под стеклом, на этом самом столе, в этом самом университете.

— Это... потрясающе, — сказал он, наконец оторвавшись от микроскопа. — Я даже не думал, что такое можно увидеть

своими глазами.

— В том-то и дело, — Марко улыбнулся, и его голос прозвучал мягко, почти интимно. — Мы не просто изучаем прошлое. Мы даём ему голос. А теперь давай-ка я покажу тебе, как мы это всё обрабатываем перед анализом. Это отдельная песня.

Они вышли из лаборатории палеоботаники, и Марко, всё ещё улыбаясь, повёл Луку дальше по коридору.

— Ну как, ещё не устал? — спросил Марко, бросив на него короткий взгляд.

— Ты что, — Лука покачал головой. — Я только начал просыпаться по-настоящему. Это... я даже не знаю, как сказать. Будто в другой мир попал.

— В другой мир, говоришь? — Марко усмехнулся. — Тогда держись. Сейчас будет ещё интереснее.

Он остановился у двери с табличкой «Препараторская» и толкнул её плечом. В нос сразу ударил запах каменной пыли и растворителя — резкий, но не противный. В комнате царил рабочий полумрак: яркие лампы горели только над столами, а углы тонули в тени. На длинных металлических столах лежали куски породы, кисти, пинцеты, маленькие молотки и целый арсенал инструментов, похожих на стоматологические.

За одним из столов сидел Маттео — тот самый парень в защитных очках, которого Марко назвал «главным ювелиром». Он был молод, едва ли старше самого Луки, но в

его движениях чувствовалась уверенность, которая приходит только с опытом. Он орудовал миниатюрным отбойным молотком, снимая с известняка микроскопическую стружку, и перед ним на подставке уже проступало что-то похожее на тонкое ребро древнего ящера.

За соседним столом, склонившись над микроскопом, работала пожилая женщина в белом халате, из-под которого виднелся яркий шерстяной кардиган. Её звали синьора Риццоли. Она была доктором наук, проработала в университете больше тридцати лет и считалась лучшим специалистом по микроструктуре ископаемых костей. Именно она когда-то доказала, что некоторые динозавры, найденные в этом регионе, были теплокровными — открытие, которое в своё время наделало шуму в научном мире. Сейчас она, не отрываясь, смотрела в окуляр и что-то тихо диктовала в маленький диктофон.

В дальнем углу, у вытяжного шкафа, колдовал над химическими растворами ещё один сотрудник — мужчина лет пятидесяти, с седыми висками и вечно озабоченным выражением лица. Это был профессор Галло, геохимик. Он занимался тем, что растворял породу в кислотах, чтобы извлечь из неё мельчайшие окаменелости, которые невозможно увидеть невооружённым глазом. Его работа была кропотливой и требовала огромного терпения, и поговаривали, что он мог просидеть над одной пробой неделями, не теряя концентрации.

— Это наш костяк, — сказал Марко, обводя комнату рукой. — Маттео — наши руки. Синьора Риццоли — наши глаза. А профессор Галло — наше терпение. Каждый из них делает то, что не сможет сделать никто другой. И без них вся наша наука была бы просто грудой камней.

Лука медленно прошёл вдоль столов, стараясь никому не мешать. Ему вдруг стало ясно, что университет — это не просто аудитории и лекции. Это люди. Живые, настоящие, горящие своим делом. И от этого знания ему стало тепло и немного грустно — потому что он сам пока не знал, есть ли у него такое дело, которому он готов отдать всю жизнь.

Марко, заметив его задумчивость, снова положил руку ему на плечо.

— Не грузись, — сказал он тихо. — Ты только начинаешь. И у тебя всё впереди. Пойдём, покажу ещё кое-что. То, что ты точно не забудешь.

Они вышли из препараторской, и дверь мягко закрылась за спиной. В коридоре снова стало тихо — только где-то вдалеке гудела вентиляция да слышались чьи-то шаги. Марко шёл чуть медленнее, чем раньше, словно давал Луке время переварить увиденное.

— Ты в порядке? — спросил он, не оборачиваясь.

— Да, — ответил Лука. — Просто... я даже не знаю, как это описать. У меня сейчас голова лопнет.

Марко усмехнулся.

— Это нормально. У всех так, когда первый раз попада-

ешь за кулисы. Я сам когда-то ходил с открытым ртом.

— Ты? — Лука недоверчиво посмотрел на него. — Не верится. Ты всегда такой... ну, будто у тебя всё под контролем.

— В том-то и дело, что это только вид, — Марко остановился, прислонившись плечом к стене. — Я тоже когда-то был студентом. Думал, что всё знаю, а потом меня поставили перед микроскопом, и я понял, что не знаю ничего. Это было лучшее чувство в моей жизни.

Лука встал рядом. Он смотрел куда-то в конец коридора, но видел, кажется, что-то своё.

— Я боюсь, — сказал он вдруг. — Не микроскопов, не лабораторий. А того, что я не справлюсь. Что это всё не для меня.

Марко повернулся к нему. Лицо его было серьёзным, но в глазах — тепло.

— Каждый, кто чего-то стоит, через это проходит. Если тебе не страшно — значит, тебе всё равно. А тебе не всё равно. Я это вижу.

Лука хотел что-то ответить, но в этот момент из-за поворота вышел мужчина в тёмном пальто. Он был немолод, с усталым, но властным лицом. Увидев Марко, он остановился.

— Ринальди, — сказал он сухо. — Вас всё ещё ждут в административном корпусе. Вы, кажется, обещали быть полчаса назад.

— Уже иду, — ответил Марко, и его голос стал чуть более

официальным. — Профессор Джентиле, позвольте представить: Лука, наш новый преподаватель.

Джентиле коротко кивнул, но задержал взгляд на Луке чуть дольше, чем требовала вежливость.

— Надеюсь, вам здесь понравится, — сказал он без улыбки и, не дожидаясь ответа, пошёл дальше.

Марко проводил его взглядом, потом повернулся к Луке.

— Видишь? Меня тоже ждут. И я тоже иногда опаздываю. Жизнь — она вообще не про то, чтобы всё делать вовремя. Она про то, чтобы делать то, что важно.

Он хлопнул Луку по плечу.

— Ладно, давай провожу тебя до выхода. А то у тебя, кажется, тоже кое-кто ждёт во дворе через час.

Лука кивнул.

— Бенедетта. Мы договорились встретиться.

— Вот видишь, — Марко улыбнулся. — У каждого свои дела. Но завтра, если хочешь, покажу тебе кое-что ещё. То, чего ты точно не видел.

— Что? — спросил Лука.

— Завтра узнаешь. Но обещаю: это будет стоить того. Они вышли из кабинета. Дверь мягко закрылась за спиной, и сразу стало слышно приглушённый гул — где-то в конце коридора уже шумели студенты, но здесь ещё было тихо.

— Ну что, — сказал Марко, поправляя сумку на плече, — как тебе наш «корпус исследований»?

— Честно? — Лука покосился на него. — Я до сих пор не

понимаю, как вы там что-то находите. У вас всё в таких маленьких ящичках, как будто библиотека, только вместо книг — камни.

Марко усмехнулся.

— Камни, пыльца, кости. Всё по алфавиту. Почти.

Они пошли по коридору. Стены здесь были выкрашены в светлый, чуть выцветший от времени тон, а пол выложен серой плиткой, кое-где уже истёртой до матового блеска от тысяч шагов. На одной из дверей мелькнула табличка «Lab. Microanalisi», на другой — «Aula Dottorandi».

— А ты, — Марко вдруг повернулся к Луке, — ты вообще когда-нибудь думал, чем будешь заниматься? Ну, если не считать того, что ты сейчас вроде как преподаватель?

Лука пожал плечами.

— Я думал. Но у меня как-то... всё время что-то другое вылезало. Сначала одно, потом второе, потом вообще не до того было.

— Это нормально, — кивнул Марко. — Я сам до тридцати лет не знал, что хочу в науку. Думал, буду просто геологом где-нибудь в полевой партии. А потом меня занесло в лабораторию, и я пропал.

— Пропал — это в смысле «понял, что это твоё»?

— Пропал — в смысле перестал спать по ночам, — Марко хмыкнул. — Потому что интересно.

Они подошли к лестнице. Ступеньки здесь были широкими, с низкими перилами, и на площадке между этажами сто-

ял большой фикус в кадке — явно чей-то научный проект, судя по табличке с латинским названием.

Лука провёл рукой по перилам. Дерево было тёплым.

— А ты не боишься? — спросил он вдруг. — Ну, что однажды станет неинтересно?

Марко задумался на секунду, пока они спускались.

— Боюсь, — сказал он наконец. — Но пока что каждый раз, когда я сажусь за микроскоп, мне кажется, что я смотрю в другой мир. И это чувство не проходит. Так что, наверное, всё в порядке.

Они спустились на первый этаж, и тут гул впереди стал громче, плотнее, перерос в настоящий шум. За поворотом открывался главный вестибюль корпуса — и там было не протолкнуться. Студенты запрудили всё пространство от входа до лестницы, воздух дрожал от голосов, от шарканья ног, от скрипа открываемых дверей.

— Ого, — выдохнул Лука. — Это что, всегда так?

— В час пик — да, — ответил Марко. — Готовься пробиваться с боем.

Они втиснулись в толпу. Лука шёл первым, то и дело задевая чей-то рюкзак и бросая короткое «scusa». Марко пробиравался следом, бормоча что-то про расписание, которое никогда не меняется, и про студентов, которые всегда толпятся именно там, где надо пройти.

Кто-то толкнул Луку плечом, и он, обернувшись, встретился взглядом с девушкой, которая, не заметив его, уже спе-

шила дальше. Лука хотел что-то сказать, но тут его снова толкнули с другой стороны — парень с папкой протискивался к стенду, бормоча «permesso, permesso». Лука вздохнул и шагнул в сторону, давая ему пройти.

Наконец они вырвались из дверей на улицу. Солнце ударило в лицо. Воздух после духоты вестибюля показался сладким.

И тут Лука увидел Бенедетту.

Она стояла на ступенях, чуть в стороне от основного потока, и солнце освещало её лицо. Заметив Луку, она улыбнулась и подняла руку — не формально, а как-то легко, словно они были знакомы сто лет.

Лука невольно улыбнулся в ответ и прибавил шаг. Сзади послышалось недовольное бормотание Марко — тот пытался обогнуть группу первокурсников, которые, судя по картам в руках, безнадёжно заблудились.

Лука подошёл первым.

— Привет, — сказал он, всё ещё улыбаясь.

— Привет, — ответила она. — Я думала, вы там навсегда поселились.

Тут из толпы вынырнул Марко — слегка взъерошенный, но довольный. Он отряхнул рукав и бросил на Луку короткий взгляд.

— Если бы я знал, что сегодня тут такое столпотворение, повёл бы тебя через чёрный ход.

Лука хмыкнул, Бенедетта тихо рассмеялась. Она скрести-

ла руки и качнулась на каблуках, разглядывая Марко.

— Чёрный ход? Ты что, тут живёшь?

— Почти, — Марко отряхнул рукав. — Могу показать подземелье. Там кости динозавров и старые зачётки.

— Ключ от подземелья тебе, наверное, декан выдал? — Бенедетта прищурилась.

— Сам нашёл, — Марко пожал плечами. — Под кучей известняка. Решил, что это судьба.

Лука потёр бок.

— Судьба — это когда тебя в толпе чуть не проткнули локтем. Та девушка с папкой. Она вообще живая?

— Синьорина Бернади, — кивнул Марко. — Геохимия. Молотком бьёт лучше любого мужика. Тебе повезло, что это был только локоть.

Бенедетта перевела взгляд с одного на другого, и в её глазах мелькнула искорка.

— Вы как дети. Два преподавателя, а ведёте себя хуже первокурсников.

— Преподаватель тут только один, — Лука показал на Марко. — Я пока на испытательном.

— Он даже главный вход с трудом нашёл, — добавил Марко. — Но я ему карту нарисую. Там отмечены все кабинеты с бесплатным кофе.

Лука оживился:

— Бесплатный кофе — это уже серьёзно.

Бенедетта ткнула Марко пальцем в плечо:

— А мне? Я тут сколько лет — и никакого кофе?

— Ты не спрашивала.

Она закатила глаза. Марко рассмеялся и, развернувшись, кивнул им в сторону выхода. Толпа всё ещё гудела вокруг — кто-то толкал плечом, кто-то перекрикивался через весь вестибюль. Солнце косыми полосами ложилось на плитку.

К ним подошла девушка. Она чуть запыхалась, в руке держала папку, и было видно, что она шла быстрым шагом, но старалась не показывать спешки.

— Мистер Ринальди!

Марко обернулся.

— Я вас искала. Иду из административного корпуса. Там какие-то образцы, мне сказали, что вы в курсе.

— Да-да, — Марко кивнул, и его лицо озарилось лёгкой усмешкой. — Я как раз собирался туда зайти. Честное слово. Меня просто украли эти двое.

Он мотнул головой в сторону Луки и Бенедетты. Бенедетта подняла руки в притворной невинности.

— Мы не виноваты. Он сам за нами увязался.

— Я свидетель, — подал голос Лука. — Нас было двое, он один. Шансов не было.

Девушка улыбнулась, перевела дух, и Марко, заметив это, чуть смягчился.

— Спасибо, что нашла. Скажи, что я скоро буду. Пусть без меня ничего не раскапывают.

Она кивнула и, развернувшись, зашагала обратно — уже

спокойнее.

Марко проводил её взглядом, потом повернулся к Луке и Бенедетте. — Ладно. Похоже, мне пора.

— Бесплатный кофе отменяется? — уточнил Лука.

— Переносится. Ты пока с Бенедеттой прогуляйся. Она тебе расскажет, где тут ещё кормят.

Бенедетта усмехнулась, но спорить не стала. Лука кивнул.

— Догоняй тогда.

Марко хлопнул его по плечу и быстрым шагом направился в ту же сторону, куда ушла девушка. Толпа сомкнулась за ним, и через пару секунд его спина уже мелькала где-то у поворота.

Марко ускорил шаг. Девушка с папкой шла впереди по дорожке, ведущей к соседнему корпусу. Студенты, которые только что галдели у расписания, уже расходились, и между ними было метров двадцать.

— Подожди! — крикнул он.

Она обернулась, но не остановилась — лишь чуть замедлилась, давая ему возможность догнать. Он поравнялся с ней у самых ступеней перед входом. Стеклопакеты двери блестели, за ними было темнее.

— Так что там за образцы? — спросил Марко, слегка сбивая дыхание. — Ты сказала, из административного. Кто принёс?

— Сама не знаю, — ответила она, и в её голосе не было привычной студенческой робости. Он звучал ниже, сосредото-

точнее. — Там уже собрались профессора. Меня послали за вами, потому что вы ближе всех.

Она толкнула дверь, и они вошли внутрь. Пошли по коридору. Их шаги звучали в унисон.

— Что-то серьёзное? — спросил Марко.

— Я видела только одним глазком, — сказала она. — Это не кость. И не порода. Вернее, порода, но внутри что-то другое. Там будто... — она запнулась. — Будто металл. Но металл не может быть таким старым.

Марко нахмурился.

— Металл? Ты уверена?

— Я не геолог, — она покачала головой. — Но профессор Галло сказал то же самое. Он был первый, кто посмотрел.

— Галло? — Марко ускорил шаг. — Он же никогда не выходит из лаборатории.

— Вот именно, — она бросила на него быстрый взгляд. — Он сидел там с лупой, когда я уходила. И, кажется, не дышал.

Они подошли к тяжёлой двери с табличкой «Лабораторный блок». Девушка толкнула её плечом, и Марко вошёл следом.

Внутри было светло и стерильно. Под потолком ровно гудели лампы, заливая всё холодным светом. Вдоль стен тянулись металлические стеллажи с инструментами, колбами, контейнерами. В воздухе пахло спиртом и чем-то неуловимо древним.

У центрального стола стояли четверо. Профессор Галло

склонился над образцом, его очки сползли на кончик носа. Рядом стоял Маттео, скрестив руки, и смотрел на что-то, чего Марко пока не видел. Ещё двое — высокий седой мужчина в строгом костюме и женщина в белом халате, которую Марко узнал сразу: это была доктор Феррара, заведующая кафедрой геохимии.

— Ринальди, — произнёс седой мужчина, заметив его. — Хорошо, что вы здесь.

— Профессор Костанцо, — Марко кивнул. — Что у вас? Костанцо отступил в сторону, освобождая место. На столе, под яркой лампой, лежал фрагмент породы — неровный скол серого известняка. Но внутри, в самой сердцевине, виднелось нечто иное. Не кость. Не окаменелость. Это был гладкий, тёмный, почти чёрный материал, который блестел под светом лампы.

Марко замер. Он перевёл взгляд с образца на Галло.

— Что это?

Галло стянул очки и потёр переносицу.

— Если бы я знал, я бы уже писал статью. Это не металл и не камень. Я проверил всеми доступными способами.

— Оно не поддаётся ни одному растворителю, — добавила доктор Феррара, скрестив руки на груди. — Мы пробовали кислоты, щёлочи, даже лазерный микрорезонатор. Ни царапины.

Марко наклонился ближе. Тёмная вставка была идеально гладкой, будто её обработали на современном станке.

— А температура? — спросил Марко. — Вы пробовали нагрев?

— До двух тысяч градусов, — ответил Галло. — Без изменений.

— А радиационный фон?

— В норме. Никаких аномалий.

— Плотность?

— Выше, чем у любого известного нам минерала. Но мы даже не можем определить его структуру. Рентгеновский анализ показывает какую-то невероятно плотную кристаллическую решётку, которую мы никогда не видели.

— Она... — Марко осёкся. — Решётка упорядоченная?

— Идеально, — кивнул Галло. — Это не природный материал. Его кто-то создал.

— Десятки миллионов лет назад? — уточнил Марко.

— Вот именно. Марко выпрямился и шумно выдохнул. Потом снова посмотрел на образец.

— Откуда это?

— Из керна, — ответил Костанцо. — Керн — это цилиндрический образец породы, который выбуривают из скважины, — уточнила Феррара, заметив, что Марко ждёт объяснений. — Его доставили две недели назад. Мы датировали породу. Это меловой период, примерно шестьдесят шесть миллионов лет назад. Самый конец эры динозавров.

— Но нашли его не геологи, — добавил Галло, не поднимая глаз.

Марко перевёл взгляд на него.

— А кто?

— Местные, — ответил Костанцо. — Феллахи. Они рыли оросительный канал и наткнулись на этот фрагмент.

— Когда?

— Около трёх недель назад. Они не поняли, что это такое. Решили, что внутри может быть золото или что-то ценное. Попытались расколоть породу киркой. Безуспешно. Тогда они принесли кувалду.

Костанцо замолчал. В лаборатории повисла тишина. Марко перевёл взгляд на Галло, потом на Феррару.

— И что дальше? — спросил он.

— Один из них ударил по породе кувалдой, — сказала Феррара. — Искра попала в глаза. Он ослеп на месте. А через два дня умер.

— Умер? — переспросил Марко.

— Врачи сказали — остановка сердца. Но никто не понял, отчего. Он был молодой, здоровый.

— После этого местные испугались, — продолжил Костанцо. — Решили, что это проклятие. Хотели закопать обратно. Но наш представитель узнал об этом и выкупил образец. Так он попал к нам.

Марко снова посмотрел на тёмный фрагмент. Тот лежал под лампой, ничем не выдавая своей опасности. Но теперь он казался не просто загадочным. Он казался угрожающим.

— Вы знали об этом? — спросил Марко, не оборачиваясь.

— Знали, — ответил Галло. — Поэтому мы и не пытались разбить его сами.

Марко медленно выдохнул.

— Можно мне взглянуть на снимки? Рентгеновские, спектральный анализ — всё, что у вас есть.

Феррара кивнула и взяла со стола планшет. Несколько быстрых касаний — и на экране появилось изображение. Она протянула планшет Марко.

— Вот. Это рентгеновская дифракция. Видите вот эту область? — она указала на пик графика. — Такой картины не даёт ни один известный минерал. Это даже не квазикристалл. Это что-то, что мы не можем классифицировать.

Марко взгляделся в экран, потом перевёл палец на следующее изображение.

— А это что?

— Электронная микроскопия. Увеличение в двести тысяч раз.

На снимке была видна поверхность тёмного материала. Она состояла из крошечных, идеально симметричных шестиугольников, плотно прилегающих друг к другу. Ни одного изъяна. Ни одной царапины.

— Это невозможно, — прошептал Марко. — Такой структуры не существует в природе.

— Именно поэтому мы вас и позвали, — сказал Костанцо.

— Вы хотите, чтобы я возглавил экспедицию? — спросил Марко, всё ещё глядя на снимки.

— Да, — сказала Феррара. — Этот фрагмент слишком мал для окончательных выводов. Но если там есть ещё образцы...

— Где «там»?

— В Египте, — ответил Костанцо. — Керн был взят из пробной скважины в районе Фаюмского оазиса, к югу от Каира. Там есть выходы тех же меловых пород.

— Каир? — Марко выпрямился. — Вы хотите, чтобы я поехал в Египет?

— Именно, — кивнула Феррара. — Там уже работает наша группа. Они ведут раскопки в районе Долины китов, но у них нет специалиста по меловому периоду. Вы им нужны.

Марко молчал. Он снова посмотрел на образец. Тёмный фрагмент лежал под лампой, как спящий зверь, и ничем не выдавал своей тайны.

— Что за группа?

— Четверо наших, — ответил Костанцо. — Доктор Риви, геолог; профессор Эль-Саид, местный палеоботаник; двое аспирантов. Они работают там уже месяц. У них есть оборудование, транспорт, разрешения на раскопки. Вам нужно будет только добраться до Каира, а оттуда — в Фаюм. Это около ста километров к югу.

— Почему я? — спросил Марко. — Вы могли бы послать кого угодно.

— Потому что это ваша специализация, — сказала Феррара. — Меловой период, палеонтология, полевые исследо-

вания. Вы знаете эти породы лучше, чем кто-либо в университете.

— И потому что вы не откажетесь, — добавил Галло, не поднимая глаз. — Вы же сами понимаете: если это то, о чём я думаю, это изменит всё. Всю палеонтологию. Всю науку.

В лаборатории повисла тишина. Где-то под потолком мерно гудела лампа.

— Прикоснитесь к нему, — вдруг сказал Галло.

Марко поднял глаза.

— Что?

— Прикоснитесь. Просто положите ладонь.

Марко на мгновение замер, потом медленно протянул руку. Его пальцы коснулись тёмной поверхности.

Она была тёплой. Не холодной, как камень, а тёплой — как кожа живого существа. И в тот же миг по руке пробежала странная, едва уловимая вибрация, будто внутри образца что-то спало и вдруг пошевелилось во сне.

Марко отдёргнул руку.

— Что это? — выдохнул он.

Галло смотрел на него, не мигая.

— Мы не знаем. Но теперь вы понимаете, почему мы вас позвали.

Марко перевёл дыхание. Сердце стучало в груди быстрее обычного.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я поеду.

— Вот и отлично, — Костанцо едва заметно улыбнулся. —

Детали обсудим завтра. А сейчас, — он повернулся к остальным, — давайте дадим профессору Ринальди время всё обдумать. И, пожалуйста, пока никому ни слова. Мы не хотим, чтобы эта информация вышла за пределы лаборатории. Понятно?

Галло кивнул, Феррара хмыкнула, Маттео просто пожал плечами. Девушка, которая привела Марко, всё это время стояла у двери, прижимая папку к груди, и молча переводила взгляд с одного профессора на другого.

Марко ещё раз посмотрел на образец. Тот лежал неподвижно, но казалось, что в его тёмной глубине что-то медленно пульсирует.

Он развернулся и вышел из лаборатории. Дверь мягко закрылась за спиной.

Глава 2

Марко лежал в постели и смотрел в потолок. В комнате было тихо, только где-то в углу посапывал старый радиатор. Рядом, уткнувшись лицом в подушку, спала жена. Её дыхание было ровным и спокойным, и одеяло чуть приподнималось в такт.

Он повернулся на бок, покосился на неё. Она даже не пошевелилась. Марко вздохнул, закрыл глаза и через минуту уже спал.

Он открыл глаза и не сразу понял, где находится.

Ещё мгновение назад он лежал в своей постели, слышал дыхание жены и посапывание радиатора. А теперь стоял посреди улицы, которой никогда раньше не видел.

Вокруг высились небоскрёбы — стеклянные, стальные, уходящие в небо на десятки этажей. Солнце отражалось в их гладких стенах, и от этого казалось, что весь город слегка светится изнутри. Улица была широкой, многополосной, с идеально ровным асфальтом. Вдоль тротуаров стояли машины — десятки, сотни машин. Они не двигались. Просто замерли на своих местах, будто кто-то поставил город на паузу.

Марко оглянулся. Ни души.

Никто не шёл по тротуару. Никто не сидел за рулём. Никто не открывал двери, не говорил по телефону, не катил ко-

ляску, не курил у входа в офис. Только он.

Он сделал несколько шагов. Звук его собственных шагов показался оглушительным в этой тишине. Ветер гулял между зданиями, шевелил пыль на асфальте, но больше не доносилось ничего.

У одного из небоскрёбов входная дверь была приоткрыта. Внутри горел свет. Но за стеклом тоже никто не двигался.

Марко подошёл к краю тротуара и посмотрел вдоль улицы. Она тянулась в обе стороны, уводя взгляд к далёким мостам и перекрёсткам. Везде одно и то же: здания, машины, светофоры, вывески — и ни одного человека.

Только он. И тишина. И солнце, которое медленно ползло по стеклянным стенам небоскрёбов, будто ничего не случилось.

Он пошёл вперёд, просто потому что стоять на месте было невыносимо. Шаги отдавались эхом от стеклянных стен, и каждый звук казался чужим в этой мёртвой тишине. Он миновал несколько зданий — офисных, безликих, с тёмными окнами, — пока не заметил что-то знакомое.

Это был ресторан. Современный, с большими окнами и лаконичной вывеской над входом. Название было написано по-итальянски — «Trattoria del Corso». Ниже, на стеклянной двери, белела ещё одна надпись от руки: «Oggi: pasta fresca, vino della casa, tiramisù». Сегодня: свежая паста, домашнее вино, тирамису.

Марко остановился. Он смотрел на буквы, на знакомые

слова, и что-то внутри него тихо отозвалось. На окнах висели небольшие итальянские флажки — такие же, как в римских trattoriaх в день финала чемпионата. На подоконниках стояли горшки с базиликом и розмарином. Сбоку от входа, на доске с меню, было написано мелом: «Pranzo 12:00–15:00, cena 19:00–23:00».

Обычный итальянский ресторан. Такой же, каких десятки в любом городе Италии. Только здесь, среди пустых небоскрёбов и замерших машин, он был единственным, что выглядело живым.

Он толкнул дверь и вошёл. И сразу остановился.

Никакой пасты, никакого базилика, никаких красно-белых скатертей. Вместо этого — тусклый блеск красного дерева, приглушённый свет и воздух, пахнувший ванилью, старым деревом и чуть-чуть лимонной полиролью для мебели. Он перевёл взгляд с одной детали на другую, но лицо его почти не изменилось. Просто стоял и смотрел.

Стены были обшиты тёмными деревянными панелями. Вдоль них тянулись банкетки, обитые тёмно-бордовой кожей. На столах — белые скатерти, льняные салфетки, сложенные в тугие треугольники, и тяжёлые серебряные приборы. Хрустальные бокалы отсвечивали золотом от латунных люстр.

В углу, у входа, стояла деревянная вешалка. На ней висели два пальто — мужское и женское. Мужское, длинное, из плотной серой шерсти, с широкими лацканами. Такие носил

его дед. Рядом — женское, приталенное, из тёмно-красного кашемира, с большими пуговицами и меховым воротником. Марко на секунду задержал на них взгляд. Вещи выглядели так, будто их сняли только что.

Он прошёл дальше. В застеклённой витрине стояла модель автомобиля — длинная, приплюснутая, с плавниками на задних крыльях. Марко наклонился, разглядывая лакированный бок. Такие не выпускали уже лет шестьдесят, не меньше. Машина выглядела как музейный экспонат, но без единой пылинки.

Рядом, на стене, висела чёрно-белая фотография джазового оркестра. Музыканты в смокингах, саксофонист с закрытыми глазами. Марко перевёл взгляд на смокинг, который висел на плечиках у стены — будто кто-то собирался надеть его перед выходом. Он подошёл ближе. Лацканы широкие, атласные, подкладка шёлковая, прохладная на ощупь.

Он замер на полпути. У дальней стены, в нише, залитой мягким светом, стоял белый рояль. Не просто инструмент — произведение искусства. Глянцевый, почти светящийся изнутри. Его корпус был не просто белым, а перламутровым, с едва уловимым отливом, как внутренняя сторона морской раковины. Марко, как замороженный, сделал несколько шагов навстречу. Крышка была поднята, открывая взгляду идеально ровный ряд струн. На пюпитре лежали пожелтевшие ноты. Он обошёл рояль кругом, чувствуя себя лишним рядом с таким совершенством. Заглянул под крышку — на зо-

лотистой табличке было выгравировано: «Steinway & Sons, 1952». Он лишь тихо выдохнул, не в силах подобрать слов.

Он развернулся и направился к барной стойке. За ней, на полках, выстроились бутылки. Этикетки были старые, незнакомые — не те, что стоят сейчас в супермаркетах. На одной, с тёмно-янтарной жидкостью, красовалась надпись выцветшими буквами: «Old Forester, 1948». Марко взял бутылку в руки, повертел, поставил обратно. Рядом стояли стаканы — толстостенные, с широким дном. Один из них был чуть сдвинут, будто кто-то только что из него пил.

Он стоял посреди зала и медленно оглядывался. Тишина здесь была другой — не мёртвой, а густой, как в помещении, где только что были люди и вот-вот вернутся. Свет от латунных люстр ложился на белые скатерти мягкими жёлтыми пятнами.

Всё вокруг выглядело так, будто время здесь остановилось где-то в середине прошлого века. Никакой электроники, никаких пластиковых панелей, никаких неоновых ламп. Только дерево, латунь, стекло и кожа. Даже воздух был другим — пахло ванилью, старым деревом и чуть-чуть лимонной полиролью для мебели.

Марко сунул руки в карманы и не спеша двинулся дальше. Ему было спокойно. Не хорошо, не плохо — просто спокойно. Как будто он зашёл в чей-то старый клуб, где его никто не ждал, но и не прогоняли.

Он провёл ладонью по спинке банкетки. Кожа была глад-

кой, прохладной, чуть потрескавшейся у швов. В пепельнице на одном из столиков лежала забытая сигара — толстая, с серебряным колечком, погасшая, но не выкуренная до конца. Рядом с ней — спичечный коробок с выцветшей этикеткой, на которой ещё можно было разобрать название бара. «The Blue Note».

На стойке у окна стояла лампа с абажуром из плотной ткани, и свет от неё ложился на стол тёплым кругом. Рядом — раскрытый журнал. Марко наклонился, чтобы разглядеть обложку. «Life», выпуск за ноябрь 1954 года. Страницы были пожелтевшими, но не запылёнными.

Он перевернул страницу. На развороте была большая фотография Мэрилин Монро — она стояла на съёмочной площадке, в платье с глубоким вырезом, и смеялась, запрокинув голову. Подпись гласила: «The Seven Year Itch — A Hit on Broadway». Марко задержался на снимке. Лицо актрисы было молодым, живым — совсем не таким, каким его запомнил мир.

Он перелистнул дальше. На следующей странице шли новости: короткая заметка о победе Рокки Марчиано в боксёрском поединке, статья об открытии нового небоскрёба в Нью-Йорке — «Seagram Building», реклама нового «Кадиллака» с подписью: «The car of tomorrow — today». Всё это было написано так, будто будущее только начиналось.

В углу, на небольшом столике, стоял патефон. Чёрный, лакированный, с блестящим металлическим тонармом. Ря-

дом лежала пластинка — уже без конверта, но ещё чистая, без единой царапины. Марко провёл пальцем по краю диска. Ему вдруг захотелось услышать, что на ней записано, но он не стал включать. Просто оставил лежать.

Он вернулся к роялю. В полумраке зала тот казался единственным источником света. Марко протянул руку и провёл пальцем по гладкой, прохладной клавиатуре. Клавиши цвета слоновой кости были безупречны. Он нажал одну — самую нижнюю, басовую. Звук, чистый и глубокий, разлетелся по залу. Рояль был настроен идеально, как и всё в этом месте.

Он выпрямился и оглядел зал ещё раз. В зеркале за баром отражались люстры, дробились на десятки огоньков. Тишина никуда не делась, но теперь она казалась не пустой, а наполненной — будто всё здесь ждало, когда же кто-то вернётся. Марко не был этим кем-то, но и чужим себя уже не чувствовал.

Он улыбнулся, чуть качнул головой и не спеша направился к барной стойке. Подошёл, легко взобрался на высокий табурет и облокотился о стойку.

— Эй парень, — сказал человек, сидевший рядом.

Марко вздрогнул и резко повернулся. Этого не могло быть. Он только что прошёл мимо — и там никого не было. Глаза расширились, дыхание перехватило. Он замер, упёршись взглядом в сидевшего, и медленно, с недоумением, оглядел его: лицо, одежду, руки, спокойно лежащие на стойке.

От человека пахло алкоголем — густо, тяжело, вперемешку с дорогим парфюмом. Он слегка покачивался на табурете, дышал тяжело и неровно, рассеянно улыбался куда-то в пространство перед собой. Тёмно-синий костюм, сшитый на заказ, сидел на нём мешковато — пиджак был расстёгнут, галстук съехал набок. На запястье поблёскивали золотые часы.

Лицо его было немолодым, но и не старым — где-то за пятьдесят. Глубокие залысины, седина на висках, щетина, которую явно не брили пару дней. Глаза — мутные, но живые, с хитрым прищуром. Он смотрел на Марко так, будто они были старыми друзьями.

— Вы... вы знаете итальянский? — выговорил Марко.

Он уже соскочил с табурета и стоял, глядя на человека широко раскрытыми глазами. Голос прозвучал неуверенно, почти сдавленно, будто он сам не мог поверить в происходящее.

Человек не спеша поднёс бутылку ко рту. Глаза его на мгновение прикрылись от удовольствия, и по лицу расплылась широкая улыбка. Он сделал глоток, поморщился — не от горечи, а от крепости, — и выдохнул с довольным присвистом.

— Итальянский? — задал он тоном, будто Марко сморозил глупость. — Ты в Америке, парень.

Он развернулся к нему всем корпусом и уставился с интересом. Улыбка не пропала, но теперь в ней появилось что-то трезвое, цепкое. Он рассматривал Марко так, будто тот был

не случайным посетителем, а кем-то, кого он давно ждал.

— В Америке? — на этот раз Марко спросил ровнее.

Он всё ещё смотрел на незнакомца с недоумением, но страх уже отступил, и теперь в его взгляде было скорее любопытство.

— Hi-i-i-it the ro-o-o-oa-a-ad, Ja-a-ack!

Голос ударил в микрофон. Марко резко обернулся.

— Don't you come back no more.

Солист качнулся вперёд. Брови Марко поползли вверх.

— No-o-o mo-o-o-ore, no-o-o mo-o-o-ore.

Глаза расширились так, что, казалось, ещё немного — и они вылезут на лоб.

Человек стоял на сцене. Высокий, в тёмном костюме — приталенный пиджак, узкий галстук, начищенные до блеска туфли. Певец двигался в такт, и голос его звучал чисто и мощно, заполняя весь зал. Но вместо головы у него был тот самый артефакт.

Марко замер, руки повисли вдоль тела, рот приоткрылся сам собой. Он не моргал, не шевелился — просто стоял как вкопанный, глядя на незнакомца, и не мог отвести взгляд. Губы его шевельнулись, и он медленно, почти по слогам, выговорил:

— Да вы издеваетесь...

Марко не мог оторвать взгляд от чёрного артефакта, который был вместо головы у фигуры с микрофоном. И тут из-за барной стойки донёсся голос — сухой, с лёгкой хрипот-

дой. Слова выходили чуть свистящими, словно говоривший цедил их сквозь зубы.

— Ну ты заказывать будешь?

Он всё ещё глядел прямо, но взгляд его медленно, словно нехотя, пополз вбок. В голове щёлкнуло: кто? откуда? Он не спешил, и только через несколько секунд наконец повернулся — всем корпусом, медленно, и увидел человека за стойкой.

Тот молча помешивал что-то в стакане — ложка тихо побрякивала о стекло. Поднёс к свету, прищурился, потом отставил и потянулся к бутылке на верхней полке. Его взгляд скользил по рядам — что-то проверял, что-то поправлял. На сцене всё ещё гремела песня, но он не отвлекался, просто делал своё дело.

— Wha-a-at you sa-a-ay — донеслось справа. Тот, в мятом костюме, подпевал солисту. Прищёлкнул пальцами, качнул головой и пробормотал:

— What you say, Jack...

Бармен наклонился над стойкой и негромко сказал:

— Билли слышал историю с той самой фифой?

Билли поднял голову, посмотрел на него и стал ждать.

— Её звали Мардж. Она работала в ночной закусочной на Второй авеню.

Марко, сидевший на соседнем высоком стуле прислушался

Бармен помолчал, потом продолжил:

— Красивая была. Всегда в красном платье.

Билли отставил кружку и посмотрел на бармена.

— Я знал её, видел пару раз. Она заходила на заправку, где я работал. Машина сломалась, хотела позвонить. Телефона не было, я дал ей трубку. Я запомнил её из-за красного платья.

Бармен посмотрел на него, помолчал и добавил:

— Говорят, она крутила роман с одним из тех, кто приезжал в закусочную поздно ночью. На чёрной машине, ей обещали помочь с деньгами, но она так и не получила их. А потом её нашли в переулке. Полиция сказала — несчастный случай.

Билли слушал молча, потом тихо спросил:

— А кто тот человек на чёрной машине?

Бармен пожал плечами.

— Никто не знает. Но когда её нашли, у неё в сумочке лежала визитка. Без имени, только адрес. На той улице, где находилась закусочная.

Билли покачал головой и ничего не сказал.

— Двойной хеннесси, лёд.

Марко обернулся и увидел мужчину в тёмном пальто, он держал в руке помятую сигарету и разглядывал девочек.

Марко перевёл взгляд дальше. За этим мужчиной стоял ещё один — он опирался на стойку, прикрыв глаза, будто ждал, когда нальют. Рядом с ним сидела женщина в клетчатом платье — она не смотрела в меню, она просто сидела и

смотрела в одну точку, пока её подруга что-то говорила ей на ухо.

Дальше, у окна, сидели двое парней. Один из них уже не смеялся — он просто сидел, уронив голову на стол, и, кажется, спал. Второй смотрел на него и улыбался, но сам был уже не в силах ничего сказать.

Через них прошла официантка с подносом — на нём стояли три кружки, но одна была не тронута.

Марко оглянулся дальше. Весь зал был полон. Люди сидели за столиками, переговаривались, кто-то ел, кто-то пил, кто-то вставал и шёл в сторону туалета, пошатываясь. В углу стоял мужчина с сигарой — он не курил, он просто держал её в руке и смотрел в потолок. Две девушки у барной стойки смеялись, прикрывая рты ладонями, и одна из них держалась за руку другой, будто не могла стоять прямо.

Всё это было — как в любом ресторане в пятницу вечером. Только Марко не знал, какой сейчас день недели.

Кто-то ударил его по плечу, и Марко резко обернулся.

— Лука?! — воскликнул он.

— Привет Марко, — сказал Лука.

Он поздоровался с Билли, а потом тихонько присел рядом.

— Ты что здесь делаешь? Ты же в завязке.

— Я в завязке? Лука, ты что, шутишь? Ты посмотри на сцену!

Лука улыбнулся и не спеша перевёл взгляд.

— Ты прав Марко, он прекрасно поёт — Стив Аллен. Я знал его ещё пацаном, мы учились вместе в Нью-Йорке, а потом он перевёлся в музыкальную школу. Сейчас неплохо зарабатывает.

Бармен подошёл и поставил перед Лукой высокий стакан с янтарной жидкостью.

— Держи Лука, — сказал он.

Лука взял стакан, помешал его, словно проверяя что-то, и сделал глоток. Он задержал жидкость на языке, потом проглотил и посмотрел на Марко.

— Знаешь, я давно не слышал его живьём. С тех пор, как мы перестали видеться, — сказал Лука и поставил стакан на стойку.

Он откинулся на спинку стула и закинул ногу на ногу, глядя на сцену.

Марко не решился сказать ему про артефакт. Он видел всю эту странность, но ничего не мог с ней сделать.

Люди выпивали и хохотали, играла музыка. Лука что-то рассказывал, но Марко его не слушал — он осматривался.

— Пасть заткни ублюдок! — сказал человек, сидевший за четвёртым столиком, и ударил бутылкой по голове своего товарища.

— Сукин сын! Выкинуть этих псов отсюда! — справа вышел какой-то амбал, а с ним было ещё двое — вышибалы.

Они подошли к четвёртому столику и начали разбираться — что-то выкрикивали друг на друга, махали руками. Но

Марко слышал только пение солиста и приглушённую речь Луки, будто она была в потустороннем пространстве и не доходила до него.

Тот кто был больше всех, взял хулигана за шиворот и вышвырнул его из-за стола.

— Интересно не правда ли Марко? — спросил Билли.

До Марко не сразу дошло. Ему было любопытно, чем это всё закончится. Но когда до него всё же дошло, он ответил:

— И часто у вас здесь бывают подобные спектакли?

Билли коротко рассмеялся, потом закашлял прикрывая рот. Бармен улыбочиво вытирал бокал

— Не часто, — сказал бармен.

— Только по пятницам, — сказал Лука посмеиваясь.

— И всё-таки Лука, что ты здесь делаешь? — повторно спросил Марко.

Внезапно солист замолк, и все люди замерли. Никто не улыбался, не пил и не разговаривал. Все делали одно и то же — смотрели на Марко злыми, бешеными глазами.

Лука нахмурился уставившись оцепеняющим взглядом

Марко ощутил, как по спине пробежал холодок. Он понял, что зря задал этот вопрос, и сразу решил сменить тему.

— Что ты здесь делаешь... Почему ты не на сцене? — и слегка рассмеялся

— Ой, да хватит тебе... — раздалось за спиной.

Он обернулся. Бенедетта стояла в паре шагов, раскинув руки, и улыбалась. На ней было бордовое платье, туфли на

каблуке. Тёмные волосы были собраны в аккуратную причёску, несколько прядей выбились у висков. Она покружилась и замерла.

— О милая... — Лука подошёл к ней, поцеловал и обнял.
— Ты такая красивая!

Марко смотрел на них молча.

— Правда? — в её нежном тоне прозвучал сарказм.

— Настоящая красавица, — улыбнулся бармен и убрал бутылку на стойку за спиной.

Лука и Бенедетта переглянулись.

— А я знаю это платье! — Билли прищурился. — Ты же была в нём на свадьбе.

Марко свёл брови и повернулся.

— На какой свадьбе?

Они снова перемегнулись и захохотали.

Лука повернулся к Бенедетте.

— Оно прекрасно сидит на тебе, милая. Я очень люблю это платье.

Он отодвинул стул, и она села за барную стойку.

Лука сел рядом.

— А Марко... Ты не помнишь?

— Чего? — спросил Марко.

— Сорок девятый год. Наша свадьба, — сказал Лука.

Лука смотрел на Марко в ожидании, что его краткосрочная память к нему вернётся.

— Ваша? — спросил он.

Бенедетта слегка ударила его по плечу

— Наша! — сказала она с улыбкой и посмотрела на Луку влюблёнными глазами.

— Но когда вы успели пожениться?

Билли закатил глаза, будто присутствие Марко сейчас в этом баре и его рассеянность буквально сводят его с ума.

— Ты смеёшься, Марко? — Лука взял бутылку со стойки.
— Спасибо, Роуди, — сказал он бармену.

Его лицо сияло от радости. Казалось, все эти вопросы проходили мимо него, и отвечал он лишь из вежливости. Его волновало только одно — сколько ещё он сможет любоваться этим произведением искусства бордового цвета, в котором была его жена. Ведь оно словно календарь кричало о да-те, в которую он раз и навсегда стал семейным и счастливым мужчиной.

— Вовсе нет, — Марко улыбнулся и смущённо обвёл взглядом окружающих.

Лука непринуждённо глотнул виски и обернулся к Бенедетте.

— Только на мне был тогда чёрный костюм, — и чмокнул её в лоб.

Бенедетта провела рукой по его пиджаку.

— Да... но у этого ткань лучше, — подметила она.

Хлопки полились по всему залу. Люди аплодировали Стивену. Мужчина, сидевший недалеко от окна за шестым столиком, присвистнул. Марко перевёл с него взгляд на арте-

факт, который заменял голову у солиста, потом опять на мужчину. Тот уже просто аплодировал, и Марко слегка с тревожным отторжением поморщился.

— Благодарю, — Стивен взял цветы от девушки.

Барабан ударил, саксофон заиграл, и понеслась следующая песня.

— О да! — радостно воскликнул Билли.

Небольшое количество людей подошли к барной стойке, кто-то отправился в уборную. Вечер только начинал возгораться, как свеча.

Роуди поднял глаза с лёгкой ухмылкой.

— Что? — риторически он задал вопрос. — Твоя любимая песня, да, Билли? — добавил он, протирая бокал.

Бенедетта, чуть не подавившись, еле сдержала смешок.

— Сейчас он покажет, как это делается, — Лука кивнул на женщину, сидевшую неподалёку от Билли.

Билли, уловив намёк, встал, поправил галстук, немного переигрывая перед публикой, и пошёл в её сторону.

— Ну началось... — Роуди провожал его взглядом. Женщина сидела в белом платье, покуривая сигарету. — Извините... — Билли наклонился к ней. На приветствие Билли она отреагировала весьма раздражительной физиономией. — Чего тебе? — Она стряхнула пепел. Пока все следили за происходящим, Марко решил не упускать возможности снова вернуться в эту бредовую историю и выяснить, что происходит. — Напомни мне, — он обратился к Луке. — Ты о

чём? — Лука не сводил глаз с этой милой парочки. И вот эта женщина уже встала со стула, при этом оказав большую услугу самому Билли тем, что согласилась взять его за руку, зашагала следом за ним. — Только учти, — она вдруг остановилась. — Без глупостей! — и, резко дёрнув, повела его танцевать. Марко покачал головой и обратился к своему другу. — Ты говорил о свадьбе... И да, Роуди, налей мне чего-нибудь. — Как скажешь, — Роуди взглянул на бутылку. Лука слегка выдохнул, наклонил голову, почесывая затылок, уставившись куда-то в пол, и подумал, с чего начать. — Бостон. — Ты помнишь, как мы два месяца не могли решиться? — потом Бенедетта повернулась к Марко. — Мы целых два месяца искали заведение! — её тон стал серьёзным. Роуди упёрся руками о стойку и с довольным ностальгическим выражением лица стал слушать, если не в сотый, то в пятидесятый раз точно эту историю. — В итоге выбрали этот ресторан, — сказал Лука. — Мне, конечно, тоже интересно, чем этот ресторан понравился Луке и Бенедетте больше остальных, но я бы хотел получить свой заказ! Бенедетта и Лука рассмеялись и посмотрели на Роуди, которого словно током ударило, и он резко зашуршал по столу. — Ой, прости, Марко, — он открыл бутылку, которую достал минут пять назад, и налил в бокал. — Да... — Лука глянул, как Стивен надрывается, выдавая высокие ноты. — Роуди любит повспоминать тот день, — добавил он. Марко поднёс бокал к губам, сделал глоток и поморщился от крепости. — Почему Бостон? — его внима-

ние привлёк танец Билли и той женщины. Они двигались в такт, так синхронно, будто знают друг друга сто лет.— После войны я долго метался...Марко тут же уставился на него.— В Чикаго я был никем, бесконечные скитания, а здесь Роуди, — Лука тепло посмотрел на него.— А что Роуди? — Марко недоумевал.— Он спас ему жизнь! — Бенедетта обняла Луку, будто сама видела этот ужас. Но Роуди только махнул рукой и ничего не сказал. Он вообще не любил обсуждать свои «подвиги».— Здесь он дал мне работу. Она была непростой, плюс моя нога с двумя переломами, но кому тогда было просто?Марко подумал, что это хороший сценарий для фильма. Лука, который воевал во Второй мировой, поженился в Бостоне, хотя сам родился в Швейцарии. Интересно, как скоро меня разбудят?— Потом я познакомился с ней, — и кивнул на Бенедетту.— Спустя год мы поженились, — сказала она.— Ладно, ребята... С вами, конечно, весело, но мне пора! — не в силах больше слушать, Марко встал со стула.— Ты уже уходишь? — спросил Роуди.— Да... К сожалению, вынужденно, ведь долг зовёт! Я ведь учёный, — он поправил штаны.— Это вряд ли, — посмеялся Лука, глядя на люстры.— То есть? — Марко обернулся.— Ты таблетки свои принимаешь, учёный? — вдруг голос Луки стал тяжёлым и вообще изменился, как будто с ним разговаривал другой человек.— Какие таблетки? И что у тебя с голосом? — Марко сделал шаг назад. Вдруг он увидел, как руки Бенедетты медленно превращаются в камень.— Ну охренеть можно! Только этого

ещё не хватало, — Марко резко толкнул Луку, тот, споткнувшись о стул, упал и ударился затылком об пол. Билли обернулся, и вместо глаз у него были камни. Роуди разбил бутылку и махнул, чуть не попав в шею Марко. — Ах ты засранец! — Марко взял стул и кинул в Роуди, удар пришёлся ровно в лоб, тот сразу отключился. — Схватите его! — сказал Стивен в микрофон, указывая пальцем на Марко. — Да пошёл ты! Я здесь оставаться не планировал, — он хотел сделать шаг, но его ноги оставались на земле. И он медленно превращался в камень. — Нет! Это что за хрень?! — Марко ошарашенными глазами стоял и ничего не мог сделать. — Теперь всё будет как прежде... — Бенедетта подошла к нему, и её руки были полностью покрыты окаменелой породой до плеч. Марко выкинул ей левый прямой, точный в нос, она свалилась. — Ах ты ублюдок! — буркнула она перед тем, как полностью потерять сознание. — Как прежде уже не будет, иди вправляй нос, — он стал выдёргивать ноги, но ничего не получалось. Полностью нижняя часть тела превратилась в статую. Лука вскочил. — Ты теперь не уйдёшь! — А я разве собирался? — сказал Марко, не переставая дёргать свои ноги. — Но если ты принесёшь молоток, то мы сможем разбить эту штукатурку. — А-а-а-а-а! — Билли прыгнул на Марко. Но тот пригнулся, и Билли перелетел через стойку, влетев в бутылки, и они разбились о его голову и посыпались кучей осколков. — Ты там как? — Марко спросил у Билли. — Нормально, — сказал тот. — Довольно! — крикнул Лука. — Шутки

кончились.— Ладно, я сдаюсь... — Марко с грустным лицом поднял руки.— Правда? — не ожидал Лука.— Да... Можете надеть на меня наручники или что вы там делаете. Лука подошёл к Марко. Тот схватил его за шиворот, прижав к себе, и со злостным лицом начал угрожать:— Слушай сюда, идиота кусок! Ты родился в 1990 году! Какая Вторая мировая война?! Ты чего тут мне рассказываешь? — он потрянул его.— А-а-а! Не бей меня! — Лука поймал истерику.— Либо ты говоришь, как мне освободиться, либо ты будешь очень долго жалеть о том, что появился на свет! Понял меня?!— Да! Да! Да! На, возьми! Он дал ему какой-то волшебный молоток.— Спасибо, — Марко отпустил его, взял молоток и улыбнулся, потом с размаху заехал ему в челюсть.— А теперь поспи, может, мозги на место встанут, — и начал бить по ногам. Вдруг окаменелость стала отваливаться, и ноги стали приобретать прежний вид. Но в баре, помимо Билли, Луки и остальных, были ещё посетители и Стивен. Все они медленно двигались к Марко, и уже у всех были глаза как у зомби. Один подошёл к нему совсем близко.— Получи! — Марко ударил ему в живот. Тот согнулся, схватившись за живот, и Марко поставил ему печать прямо в физиономию, потом сразу начал бить опять по ногам. Они все подходили и подходили. Марко то и делал, что вырубал одного и бил по ногам.— Эй, красавчик! — он крикнул Стивену. — А ты не хочешь сразиться? Но тут зазвенел будильник, и Марко проснулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.